

Рудковская М. М. Русская эмигрантская община в Тулоне в 1920—1930-х годах: формирование и состав / М. М. Рудковская // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 405—418. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-405-418.

Rudkovskaya, M. M. (2018). Russian Emigrant Community in Toulon in 1920—1930-s: Formation and Composition. *Nauchnyy dialog*, 12: 405-418. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-405-418. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(47).084.3/.08+94(44).083:325.25(=161.1)

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-405-418

Русская эмигрантская община в Тулоне в 1920—1930-х годах: формирование и состав

© Рудковская Маргарита Михайловна (2018), orcid.org/0000-0003-3206-2962, аспирант, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Брянск, Россия); Центр средиземноморских исследований (новая и новейшая история), Университет Ницца София Антиполис (Ницца, Франция), margarita.thimrud@gmail.com.

Рассматривается процесс формирования русской эмигрантской колонии в южнофранцузском городе Тулоне в период между мировыми войнами. Актуальность и новизна настоящего исследования обусловлены тем, что в нём на основе обширного комплекса архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, исследуется история формирования нового центра русской эмиграции во Франции. Анализируя процесс образования русской общины в указанном регионе, автор уделяет внимание политическим событиям, которые предшествовали появлению в городе русских эмигрантов. В статье описывается экономический и социокультурный контекст жизни города в момент прибытия беженцев. В работе представлены результаты сопоставительного анализа статистических данных по количественному и гендерному составу русской общины Тулона в изучаемый период. Поднимается вопрос о социально-профессиональной принадлежности данной группы эмигрантов. Показано, что процесс формирования и изменения состава русской колонии в Тулоне вписан в общий экономический контекст развития региона. Подчеркивается, что одним из важных факторов, повлиявших на развитие русской общины, стало отсутствие устойчивых связей между трудовой интеграцией эмигрантов и выбором места проживания. Автор останавливается на проблеме внутриобщинных связей и внешних факторах, повлиявших на изменения количественного состава русской общины.

Ключевые слова: центр русской эмиграции; русская эмигрантская община; Франция; Тулон; количественный состав; гендерный состав; межвоенный период.

1. Введение

Согласно статистическим данным Международного Красного Креста, к началу 1924 года Французская республика была европейским лидером в ряду государств, давших приют беженцам, эмигрировавшим из советской России. Признанными центрами русской эмиграции во Франции были Париж, Лион и Ницца; также русские диаспоры образовались в Каннах, Ментоне, Марселе, однако достоверные сведения о русских эмигрантах, проживающих в Тулоне, практически отсутствуют. История создания и развития тулонской эмигрантской общины не изучена в специальной исторической литературе, несмотря на постоянный интерес исследователей к теме формирования русских эмигрантских колоний в целом.

Советская историография создала обширную базу исследований по проблемам русской революции и гражданской войны. Однако период перестройки сильно повлиял на характер работ российских историков, во-первых, в связи с «революцией архивов» и реальным доступом к историческим источникам, во-вторых, с изменением парадигмы исторической науки, радикально модернизовавшей исследовательские инструменты и методы. Результаты этого процесса проявились в ряде концептуальных работ А. О. Чубарьяна [Чубарьян, 2001], С. С. Ипполитова [Ипполитов, 2004], Е. И. Пивовара [Пивовар, 2001], Н. Б. Селунской [Селунская, 2001], представляющих современное толкование особенностей, этапов, связанных с проблематикой российской эмиграции и формированием её основных центров. Работы В. Ф. Ершова [Ершов, 2000], А. М. Бегидова [Бегилов, 2001], В. И. Голдина [Голдин, 2002], Н. А. Кузнецова [Кузнецов, 2009] представляют анализ идеологии и менталитета военной и военно-морской эмиграции, проблем формирования и функционирования ее общественных институтов, их роли в социальной, политической и культурной жизни русского эмигрантского сообщества.

Во французской историографии необходимо отметить исследования А. Жевахова [Жевахов, 2007], Ф. Альбера [Альбера, 1995], Б. Бани [Бани, 1999], Э. Леруа [Леруа, 1988], К. Коринкоски [Коринкоски, 1992], Э. Менегальдо [Менегальдо, 1998], М. Пьетри [Пьетри, 2004], посвященные истории русских диаспор в Париже, Ницце и регионе Приморских Альп, на Корсике и Булони (город Бийанкур). Единственная работа, непосредственно посвященная тулонской общине белых русских, магистерская диссертация П. Башеллери была защищена в Университете Экс-Марсель в 1975 году [Башеллери, 1979]. В центре внимания автора истории трех семей русских эмигрантов, проживающих в Тулоне в период с 1917 по 1939 год. Очевидно, что наш подход отличается от предпринятого в ра-

боте Башеллери, так как целью настоящего исследования является комплексное изучение истории формирования русской эмигрантской колонии в Тулоне в актуальных социально-экономических условиях французского общества 1920—1930 годов.

Источниковедческую основу нашего исследования составили данные ежегодной статистики иностранцев Префектуры департамента Вар [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 100—105], полицейской статистики Отдела по работе с иностранными гражданами Главного управления полиции Тулона [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 100], а также данные переписей населения 1926 и 1932 годов [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 99—105], дающие возможность проследить изменение численности, социального, полового, а в некоторых случаях возрастного состава русской эмигрантской колонии в Тулоне в 1920—1930-х годах. Также большой интерес представляют архивы русского православного храма Вознесения в Тулоне [AP de l'Eglise, 1931—1937] и частная переписка офицеров-эмигрантов с канцелярией Военно-морского агента в Париже и высшими чинами флота [ГА РФ, ф. р 5903, д. 139, 497, 499—505, 529, 543—546, 550—551б, 573—582], благодаря которым возможно проанализировать внутренние связи диаспоры.

Также для понимания основных процессов формирования русской общины в Тулоне необходимо отметить некоторые интересные факты о появлении в городе первой группы эмигрантов, офицеров и матросов военного транспорта «Рион» в количестве 104 человек, стоявших у истоков образования русской колонии в городе. 26 апреля 1921 года «Рион» вышел из Константинополя, имея на борту 3700 пассажиров, выезжающих в Бразилию на сельскохозяйственные работы. Корабль должен был добраться до порта Тулона 10 мая. Однако за время навигации судна внешнеполитический контекст изменился, и президент Бразилии отказался принимать контингент русских беженцев. После переговоров на уровне премьер-министра Франции и Морского префекта Тулона «Рион» был отправлен на стоянку в порт Аяччо (Корсика), где по распоряжению Префекта большая часть пассажиров разместилась в портовых казармах, а на судне была проведена дезинфекция [Bagni, 1999, p. 132]. Постепенно беженцы разъехались по острову в поисках работы, тем не менее экипажу было предписано оставаться на корабле. Опираясь на архивные документы, мы установили, что командир «Риона», капитан 1 ранга А. В. Городыцкий начал переписку с русскими консулами в Марселе и Тулоне, а также с Морским префектом Тулона с целью получить разрешение для постоянного проживания во Франции [ГА РФ, ф. р 5903, оп. 2, д. 143, л. 79об—80.].

Мы считаем необходимым отметить, что город был выбран офицерами-моряками с «Риона» неслучайно. Прежде всего важно упомянуть, что в Тулоне в начале 1920 годов прекрасно помнили о русско-французской дружбе и визите в город русской эскадры под командованием адмирала Авеллана в 1893 году. Кроме того, с конца 1860 годов Тулон был одним из основных зарубежных центров судостроительной программы русского императорского флота: на верфях в тулонском пригороде Ля Сейн было построено двадцать два военных и отремонтированы десятки русских кораблей [Рудковская, 2018, с. 125—134].

2. Тулон в период между двумя мировыми войнами

В годы Первой мировой войны тулонская городская агломерация входила в состав XV военного округа. Военно-морская база и Арсенал стали базой военно-морских сил союзников в Средиземном море; через тулонский рейд прошли тысячи военных кораблей, их экипажей и пассажиров, будь то французские комбатанты, союзники или гражданские лица в составе делегаций (дипломаты и журналисты). На верфях тулонского пригорода Ля Сейн-сюр-Мер французские и китайские рабочие участвовали в строительстве и ремонте не только военных судов, но и железнодорожных вагонов. В городе функционировали 14 временных военных госпиталей, среди которых и русская больница в Сент-Мари [Marcellesi, 2015, p. 22].

Послевоенный период начала 1920-х годов характеризовался постепенным переоборудованием базы военно-морского флота, что дало городу возможность использовать финансовые активы, замороженные в период военного времени. Экономическая деятельность вокруг Арсенала и Военно-Морского Флота имела жизненно важное значение для развития города, в различных цехах и площадках Арсенала работали более 5000 человек; гражданские судостроительные и ремонтные площадки по-прежнему функционировали в коммуне Ля Сейн-сюр-Мер, где было занято от 3000 до 5000 человек [Agulhon, 1980, p. 312].

Даже в эпоху «ревущих 1920-х» и в период Великой депрессии Тулон и его окрестности оставались привлекательным местом отдыха на южнофранцузском побережье. В городе, где насчитывалось больше десятка музыкальных кафе, можно было поселиться в роскошном Гранд-Отель на площади Свободы, отдохнуть в термах Святой Елены, недорого снять чудесную виллу в приморском районе Мурийон, а также понаблюдать за ежегодной парусной регатой прямо с городской набережной.

Несмотря на сложности послевоенного периода, к середине 1930-х годов численность населения уверенно растет. Согласно статистическим дан-

ным 1936 года, тулонская городская агломерация насчитывала 228 272 человека. Непосредственно в Тулоне проживало 150 319 человек, в то время как в его пригородах спутниках Йере и Ля Сейн-сюр-Мер население составляло соответственно 26378 и 25785 человек [Noël, 1989, p. 117].

3. Социально-экономические реформы Мариуса Эскартефига конца 1920 — начала 1930 годов

Высокий рост социально-экономической жизни города связан с возвращением к власти Мариуса Эскартефига, мэра Тулона, который в течение своего первого срока нахождения у власти уже обеспечил тулонцам сеть государственных школ и провёл реформу по охране и профилактике гигиены и здоровья [Mathieu, 1983, p. 116]. Вернувшись в генеральный Совет в 1927 году, Эскартефиг поддерживал, в свою очередь, политические и экономические преобразования Пуанкаре, баллотировался на апрельских парламентских выборах. Впервые в истории города он организовал предвыборные комитеты во всех городских кварталах, постоянно проводил личные встречи и беседы с населением в бедных и отдаленных районах и был легко избран депутатом первого округа. В мае 1929 года он вступил в битву на муниципальных выборах и был повторно избран мэром. В своей предвыборной программе Эскартефиг сделал ставку на решение таких вопросов как проведение реформы системы водоснабжения, расширение сети городского освещения, техническое переоснащение системы городского транспорта, в частности, трамвайного сообщения с отдалёнными от центра районами и некоторыми пригородами [Mathieu, 1985, p. 112].

Эскартефиг также серьезно относился к проблемам роста тулонской агломерации, которая, безусловно, повлекла за собой решение проблемы жилого фонда. Так, в 1930 году по инициативе мэра в Тулоне был построен первый многоквартирный дом, находящийся в управлении городской администрации [Agulhon, 1985, p. 119]. В соответствии с Законом об урбанизации для Тулона, Ля-Сейн-сюр-Мер и Йера, должны были быть разработаны планы по планировке, расширению и благоустройству общегородской территории. В Тулоне такой план был предложен ещё в 1922 году господином Дерво, архитектором-градостроителем [Agulhon, 1985, p. 121]. С незначительными изменениями план был принят к реализации в 1934 году: необходимо было очистить Старый город (исторический центр), связать его с разделёнными фортификациями пригородами, скоординировать беспорядочные расширения новых районов, обновить транспортные пути и улучшить регулирование потока движения. Однако в 1939 году с началом новой мировой войны градостроительная программа не была завершена.

4. Количественный и гендерный состав русской эмигрантской общины

В течение двух десятилетий межвоенного периода состав русской диаспоры в Тулоне изменялся под влиянием различных внутренних и внешних факторов. Как уже упоминалось выше, основание русской колонии в городе связано с получением разрешения на проживание в городе бывших офицеров и матросов транспорта «Рион», а также членов их семей общей численностью 104 человека [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 100, Références...]. В полицейских отчетах 1923 года по-прежнему встречаются упоминания о бывших членах экипажа транспорта «Рион»: генерал-майор С. Беркалов, старший лейтенант К. Жевахов, лейтенант, инженер-механик И. Зубков, лейтенант В. Котельников, лейтенант В. Котенков, полковник Н. Петров, капитан Н. Петрунин, лейтенант, инженер-механик Н. Федоров (всего 20 человек, в том числе члены их семей), что составляет пятую часть от общего числа членов экипажа, прибывших в город 1921 году [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 99, Listes nominatives...].

Данные переписей населения, регистрационные карточки иностранцев, полицейские отчёты о благонадежности эмигрантов, а также сведения, почерпнутые из церковных архивов, позволяют сделать определенные выводы о социально-профессиональном составе прибывавших в город русских беженцев. Так, согласно допросному листу начальника полиции Тулона, в составе экипажа «Риона» 16 кадровых офицеров-моряков в различных чинах, от мичмана до генерала-майора флота, 4 офицера сухопутных сил и 2 военных врача [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 100, Listes des sujets russes...]. По данным на 1926 год, насчитывалось 18 бывших офицеров, большинство из которых, 15 человек, офицеры флота [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 100, Liste nominative...]. Для 1932 года в источниках находим сведения о 17 моряках и 11 армейских офицерах [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 103, Statistique...].

В середине 1920-х годов во Франции наблюдался значительный приток русских беженцев, переезжающих из Германии в связи с ухудшением там общей политической обстановки. Французской республике требовалась значительная рабочая сила для восстановления экономики страны после войны, именно поэтому в указанный период поощряется въезд эмигрантов, в том числе в южные провинции [Vitse, 1973, p. 102]. Тулон — крупный портовый город, который наряду с Марселем был одним из главных пунктов приёма беженцев на южнофранцузском побережье. В обоих городах работали представительства русских дипломатических служб, в Марселе также функционировало Русское бюро Международного Красного креста

[ГА РФ, ф. р 5903, оп. 1, д. 483, л. 11.]. Эти организации занимались решением административных и бытовых вопросов, оказывали посредничество в размещении беженцев и трудоустройстве.

Вместе с тем важно отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют в отдельных случаях сделать выводы о причинах переезда некоторых групп беженцев. Частная корреспонденция морских офицеров содержит постоянно встречающиеся сведения о приезжающих по вызову или рекомендации членах семьи, как правило, для совместной службы, связанной с флотом. Так, в своем письме капитану 1 ранга В. И. Дмитриеву, военно-морскому агенту в Париже от 14/09/1921 года, лейтенант Георгий Новицкий сообщил, что прибыл в Тулон по рекомендации своего родственника старшего лейтенанта Александра Миткевича для поступления на работу в Арсенал по поднятию линейного крейсера «Либерте» [ГА РФ, ф. р 5903, оп. 1, д. 139, л. 98].

Также решающую роль в переезде в тот или иной регион могли иметь личные знакомства офицеров-сослуживцев: в январе 1924 года находящийся в Рагузе капитан I ранга Михаил Васильевич Казимиров обратился за советом и помощью относительно возможного переезда на юг Франции к последнему Морскому министру, адмиралу И. К. Григоровичу, проживавшему в середине 1920-х годов в местечке Тамарис в окрестностях Тулона, в прошлом командиру эскадренного броненосца «Цесаревич», где автор письма служил вахтенным офицером [ГА РФ, ф. р 5970, оп. 1, д. 49, л. 7—7об.] Практика обращения к старшему офицеру была распространённым явлением в среде эмигрантов, выполняя роль неформальной, но очень важной профессиональной сети, помогавшей морским офицерам в решении многих повседневных вопросов в непривычных для них условиях жизни в изгнании.

Статистические данные учета населения свидетельствуют о том, что общее число людей в российской диаспоре постоянно меняется (табл. 1.), но в декабре 1933 года оно достигло кульминационной отметки, зафиксированной в известных нам архивных источниках, в 268 человек, постоянно проживающих в Тулоне. Однако к концу 1930-х годов эта цифра уменьшилась вдвое. Основная причина меняющегося количественного состава русской колонии — сложная экономическая обстановка в регионе и принятие целой серии законов об ограничении найма иностранных рабочих на французские предприятия [Vitse, 1973, p. 114]. Так, например, согласно особому распоряжению Морского Префекта, было запрещено принимать иностранцев на любые должности на работу в тулонский Арсенал и судовой верфи [SHD Toulon, Série 2A, Sous-série 4, n° carton 12, Note préfectorale...]. Данные законодательные инициативы серьёзно сокращали и без того небольшие перспективы тру-

доустройства русских беженцев в Тулоне, где рынок труда изначально был ограничен временными контрактами разнорабочих порта, водителей трамваев или сельскохозяйственных рабочих [Rudkovskaya, 2014, p. 20].

Таблица 1

Статистическая информация о количественном состоянии русской диаспоры в Тулоне, Йере и Ля Сейн-сюр-Мер в 1921, 1926—1939 годах [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 101—105, Listes nominatives...].

Год	Тулон				Йер				Ля Сейн-сюр-Мер			
	Муж.	Жен.	Дети	Всего	Муж.	Жен.	Дети	Всего	Муж.	Жен.	Дети	Всего
1921	63	24	17	104	—	—	—	—	—	—	—	—
1926	47	—	—	97	—	—	—	23	—	—	—	11
1927	93	28	14	135	—	—	—	—	—	—	—	—
1928	105	37	22	164	6	5	—	11	—	—	—	—
1929	99	35	20	154	—	—	—	—	—	—	—	—
1930	85	30	20	135	—	—	—	—	—	—	—	—
1931	—	—	—	—	55	—	—	55	15	8	15	38
1932	119	38	21	178	37	2	—	39	17	5	3	25
1933	179	79	10	268	39	6	—	45	13	5	3	21
1934	151	59	5	215	—	—	—	—	—	—	—	—
1937	120	81	26	227	30	4	2	36	5	4	—	9
1938	91	45	17	153	—	—	—	—	5	5	—	10
1939	80	37	9	126	24	11	—	35	6	6	—	12

Что касается гендерной составляющей русской эмигрантской общины, то большинство составляли мужчины, число женщин — около 30—40 %. Более высокий процент мужского населения объясняется тем, что многие молодые эмигранты, составившие основу русской колонии в 1921 году, а также приезжающие в город впоследствии, не имели жён и детей. Так, по данным тулонской полиции относительно личного состава экипажа транспорта «Рион» количество женатых составляло 22 человека от общей цифры в 104 человека, среди них — 12 с детьми. Подобное соотношение численности мужского и женского населения сохраняется на протяжении всего изучаемого периода.

Наблюдения о возрасте членов русской общины позволили выделить несколько постоянных возрастных групп в ее составе (табл. 2.).

Таблица 2

Половозрастной состав членов русской диаспоры, 1921, 1926 и 1932 годы [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 101—105, Listes nominatives...; AP de l'Eglise, Registres paroissiaux, 1931—1937].

Год \ Возраст	1921		1926		1932	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
менее 20	9	8	нет данных ¹	нет данных	нет данных	нет данных
21—30 лет	45	17	20	нет данных	22	8
31—45 лет	15	4	21	нет данных	72	19
46—55 лет	2	2	6	нет данных	21	10
более 55 лет	1	1	—	нет данных	4	1

Исходя из приведенных данных, мы можем заключить, что основу русской колонии в Тулоне в указанный период составляет взрослое мужское и женское население в возрасте от 30 до 45 лет. Процент пожилых людей очень невелик, а молодые беженцы идентифицируются как студенты и школьники.

5. Заключение

Подводя итоги нашего исследования, мы можем сделать следующие выводы. Основание русской колонии в Тулоне моряками, членами экипажа военного транспорта «Рион» в 1921 году — следствие постоянно меняющейся политической обстановки в Европе и отношений врангелевского правительства с союзниками. «Случайная эмиграция», однако, не может считаться случайной в вопросе выбора места проживания, так как русско-тулонские связи в военно-морской сфере были весьма прочными, о чем, безусловно, было известно офицерам-рионцам.

Важно отметить, что географическое положение Тулона, портового города, в котором многие видели исключительно транзитный пункт на-

1 К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют провести точный половозрастной анализ русской колонии в указанный период. При составлении статистики для 1921 года мы пользовались материалами допросов тулонской полиции в отношении членов экипажа «Рион», где подробно зафиксированы все данные о возрасте и гражданском состоянии опрашиваемых. Данные городской переписи населения 1926 года содержат сведения исключительно о домовладельцах, поэтому мы приводим статистику относительно лиц мужского пола. Перепись 1932 года сохранила дополнительные сведения о всех взрослых членах семей, таким образом наша таблица дополнилась данными о женском контингенте.

значения, безусловно, повлияло на количественный и социальный состав русской колонии. По сравнению с другими центрами русской эмиграции во Франции, такими как Париж, Лион, Бийанкур, где в 1920—1930-е годы были образованы русские колонии, тулонская община представляется очень малочисленной. Тем не менее следует отметить, что парижская диаспора имела свои исторические корни, город привлекал своими богатыми возможностями в профессиональной сфере; русское население Лиона было занято в сфере текстильной промышленности, а в Бийанкуре русские эмигранты работали на заводах «Рено». В указанных примерах прослеживается наличие устойчивой связи между трудовой интеграцией и географией проживания эмигрантов.

Тулон не имел исторической русской колонии до революции 1917 года, несмотря на давние исторические связи с Россией и сотрудничество в военно-морской сфере. Трудовая интеграция русских эмигрантов в Тулоне также не имела особой специфики. Так, например, многие офицеры-моряки обладали всеми необходимыми знаниями и навыками для работы в Арсенале и хотели бы в эмиграции быть занятыми в сфере деятельности, имеющей отношение к флоту, но поступление на такую службу было невозможным для иностранцев и политических беженцев. Тем не менее, согласно данным полицейской статистики, русская диаспора занимала в городе пятое место из двадцати восьми указанных по количественному составу после итальянцев, испанцев, турок и швейцарцев соответственно, что указывает на её константность [AD du Var, Série M, Sous-série 4, n° carton 99—105, Recensements...].

Кроме того, изученная источниковая база позволяет сделать некоторые выводы о переездах беженцев из числа офицеров-моряков и причинах их прибытия в Тулон; установить наличие внутренних коммуникационных связей в составе данной группы эмигрантов с целью обмена информацией и взаимопомощи.

Также важными представляются выводы о гендерной составляющей русской колонии в Тулоне, которые свидетельствуют об уверенном перевесе мужского населения. Данная статистика приводит к новому важному исследовательскому вопросу о количестве браков, заключенных в эмиграции — как внутрикоммунитарных, так и смешанных.

Источники и принятые сокращения:

1. ГА РФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. Р 5970 (Переписка адмирала И. К. Григоровича с М. В. Казимировым). Ф. Р 5970. Оп. 1. Д.49. Л. 7—7об.
2. ГА РФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. Р5903 (Переписка военно-морского агента в Париже В. И. Дмитриева с офицерами флота и чле-

нами их семей). Ф. Р 5903. Оп. 1. Д. 139. Л. 98. Рапорт Новицкий военно-морскому агенту в Париже, 14.09.1921.

3. ГА РФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. Р 5903 (Переписка военно-морского агента в Париже В. И. Дмитриева с офицерами флота и членами их семей). Ф. Р 5903. Д. 139, 497, 499—505, 529, 543—546, 550—551б, 573—582.

4. ГА РФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. Р 5903 (Переписка с русским консульством в Марселе о выдаче денежных пособий русским эмигрантам — офицерам и матросам флота, получении виз и др.). Ф. Р 5903. Оп. 1. Д. 483. Л. 11. Красный крест в Марселе.

5. ГА РФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. 5903 (Переписка с Морским Генеральным Штабом в Петрограде, с французскими фирмами и с командиром транспорта "Рион" о перевозке русских военных грузов на пароходах "Рио-Бланко" и "Ромней" и оказании материальной помощи команде парохода "Рион"). Ф. Р 5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 79об—80.

6. AD du Var — *Archives départementales* du Var. Série M, Sous-série 4, n° carton 99—105, Liste des sujets russes arrivés à Toulon — rade sur le navire "Rion", le 6 août 1921. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille, le 19 août 1921, Statistique concernant des russes, commune de Toulon, 1923. Listes nominatives par nationalité des ressortissants étrangers (Russes), Toulon, 1926. Recensements de population, 1921—1946 Statistiques concernant les étrangers.

7. AP de l'Eglise — *Archives paroissiales* de l'Eglise de la Résurrection de Toulon. Registres paroissiaux, 1931—1937.

8. SHD Toulon — *Service Historique* de la Défense Toulon. Série 2A, Sous-série 4, n° carton 12. Note préfectorale sur la demande du capitaine Kiliastchenko, 25 février 1922.

Литература

1. Бегидов А. М. Военное образование в зарубежной России, 1920—1945 / А. М. Бегидов. — Москва : ИВИ РАН, 2001. — 330 с.

2. Голдин В. И. Армия в изгнании : страницы истории Российского Обще-Воинского Союза / В. И. Голдин. — Архангельск; Мурманск : Солти, 2002. — 299 с.

3. Еришов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918—1945 / В. Ф. Еришов. — Москва : МГУ Сервиса, 2000. — 294 с.

4. Ипполитов С. С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс / С. С. Ипполитов. — Москва : Издательство Ипполитова, 2004. — 376 с.

5. Кузнецов Н. И. Русский флот на чужбине / Н. И. Кузнецов. — Москва : Вече, 2009. — 464 с.

6. Пивовар Е. И. Новые теоретические подходы и необходимость новой интерпретации актуальных аспектов социальной и экономической истории России XX века / Е. И. Пивовар, Н. Б. Селунская // Исследования исторического факультета Московского университета. — Москва : МГУ, 2001. — С. 61—62.

7. Рудковская М. М. Русско-тулонское военно-морское сотрудничество второй половины XIX — начала XX вв. / М. М. Рудковская // Вестник Брянского государственного университета. — 2018. — № 3. — С. 125—134.
8. Чубарьян А. О. Мир в XX веке / А. О. Чубарьян. — Москва : Наука, 2001. — 487 с.
9. Albera F. Albatros des Russes à Paris, 1919—1929 / F. Albera. — Milan; Paris : Cinémathèque française, 1995. — 182 p.
10. Agulhon M. Histoire de Toulon / M. Agulhon. — Toulouse : Privat, 1980. — 400 p.
11. Bachellerie P. Les Russes blancs dans le Var 1917—1939 / P. Bachellerie. — Mémoire de maîtrise, IEP Aix, 1979. — 57 p.
12. Bagni B. Mai 1921: Les émigrants du “Rion” à Ajaccio / B. Bagni // Etudes corses. — 1999. — № 49. — P. 123—168.
13. Jevakhoff A. Les Russes blancs / A. Jevakhoff. — Paris : Tallandier, 2007. — 605 p.
14. Leroy E. La colonie russe dans les Alpes-Maritimes des origines à 1939 / Leroy E. — Nice : Serre, 1988. — 205 p.
15. Kaurinkoski K. L’émigration blanche: Les Russes à Nice / K. Kaurinkoski. — Aix-en-Provence : Mémoire de DEA, 1992. — 155 p.
16. Marcellesi D. Soins des malades et des blessés à La Seyne: institution de la Sainte-Marie et l’hôpital russe / D. Marcellesi // Regards sur l’histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur le front occidental et le front d’Orient. Var. — 2015. — № 15. — P. 18—24.
17. Mathieu J. Toulon dans les incertitudes de l’entre-deux guerres / J. Mathieu // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. — 1982. — № 104. — P. 111—128; 1983. — № 105. — P. 112—130; 1985. — № 107. — P. 110—125.
18. Ménégaldo H. Les Russes à Paris 1919—1939 / H. Ménégaldo. — Paris : Ed. Autrement, 1998. — 187 p.
19. Noel B. Vieux quartiers, vieilles gens / B. Noel // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. — 1989. — № 111. — P. 105—129; — 1991. — № 113. — P. 114—130.
20. Pietri M. La communauté russe des Alpes-Maritimes durant l’entre-deux-guerres / M. Pietri. — Mémoire de maîtrise d’histoire contemporaine, Université de Nice, 2004. — 108 p.
21. Pivovar E. I. L’étranger russe comme un phénomène social et culturel: son rôle et sa place dans l’héritage historique et culturel / E. I. Pivovar. — Moscou, 2011. — 392 p.
22. Rudkovskaya M. L’émigration militaire russe en France: problèmes de l’intégration sociale et de l’insertion professionnelle (exemple de la communauté toulonnaise des années 1920—1930) / M. Rudkovskaya // L’Europe et la Russie: problèmes actuels du dialogue. — Édition du Centre de la culture et de la connaissance, Paydeya, 2014. — № 1. — P. 18—22.
23. Vitse G. Emigrés toulonnais: les héros malgré eux / G. Vitse // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. — 1973. — № 95. — P. 92—122.

Russian Emigrant Community in Toulon in 1920—1930-s: Formation and Composition

© Rudkovskaya Margarita Mikhaylovna (2018), orcid.org/0000-0003-3206-2962, PhD student, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky (Bryansk, Russia); Centre for Mediterranean studies (new and contemporary history), Nice Sophia Antipolis University (France), margarita.thimrud@gmail.com.

The process of formation of the Russian emigrant colony in the South French city of Toulon in the period between world wars is considered. The relevance and novelty of this study is determined by the fact that it is based on an extensive set of archival documents, first introduced into scientific circulation, the history of the formation of a new center of Russian emigration in France is examined. Analyzing the process of formation of the Russian community in this region, the author pays attention to the political events that preceded the appearance of Russian immigrants in the city. The article describes the economic and socio-cultural context of the city at the time of arrival of refugees. The paper presents the results of a comparative analysis of statistical data on the quantitative and gender composition of the Russian community of Toulon in the studied period. The question of social and professional belonging of this group of immigrants is raised. It is shown that the process of formation and change in the composition of the Russian colony in Toulon is inscribed in the overall economic context of the region. It is emphasized that one of the important factors that influenced the development of the Russian community was the lack of stable links between the labour integration of immigrants and the choice of place of residence. The author dwells on the problem of intra-community relations and external factors that influenced the changes in the quantitative composition of the Russian community.

Key words: center of Russian emigration; Russian emigrant community; France; Toulon; quantitative composition; gender composition; interwar period.

Material resources

GA RF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. (In Russ.).

AD du Var — *Archives départementales du Var*. (In French).

AP de l'Eglise — *Archives paroissiales de l'Eglise de la Résurrection de Toulon*. Registres paroissiaux, 1931—1937. (In French).

SHD Toulon — *Service Historique de la Défense Toulon*. (In French).

References

Albera, F. (1995). *Albatros des Russes à Paris, 1919—1929*. Milan; Paris: Cinémathèque française. (In French).

Agulhon, M. (1980). *Histoire de Toulon*. Toulouse: Privat. (In French).

Bachelier, P. (1979). *Les Russes blancs dans le Var 1917—1939*. Mémoire de maîtrise, IEP Aix. (In French).

Bagni, B. (1999). *Mai 1921: Les émigrants du "Rion" à Ajaccio*. In: *Etudes corses*. 49: 123—168. (In French).

Begidov, A. M. (2001). *Voyennoye obrazovaniye v zarubezhnoy Rossii, 1920—1945*. Moskva: IVI RAN. (In Russ.).

- Chubar'yan, A. O. (2001). *Mir v XX veke*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Ershov, V. F. (2000). *Rossiyskoye voyenno-politicheskoye zarubezhye v 1918—1945*. Moskva: MGU Sersvisa. (In Russ.).
- Goldin, V. I. (2002). *Armiya v izgnanii: stranitsy istorii Rossiyskogo Obshche-Voinskogo Soyuz*. Arkhangel'sk; Murmansk: Solti. (In Russ.).
- Ippolitov, S. S. (2004). *Rossiyskaya emigratsiya i Evropa: nesostoyavshisya alyans*. Moskva: Izdatel'stvo Ippolitova. (In Russ.).
- Jevakhoff, A. (2007). *Les Russes blancs*. Paris: Tallandier.
- Kaurinkoski, K. (1992). *L'émigration blanche: Les Russes à Nice*. Aix-en-Provence: Mémoire de DEA.
- Kuznetsov, N. I. (2009). *Russkiy flot na chuzhbine*. Moskva: Veche. (In Russ.).
- Leroy, E. (1988). *La colonie russe dans les Alpes-Maritimes des origines à 1939*. Nice: Serre. (In French).
- Marcellesi, D. (2015). Soins des malades et des blessés à La Seyne: institution de la Sainte-Marie et l'hôpital russe. In: *Regards sur l'histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur le front occidental et le front d'Orient*. Var. 15: 18—24. (In French).
- Mathieu, J. (1982, 1983, 1985). Toulon dans les incertitudes de l'entre-deux guerres. In: *Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région*. (In French).
- Ménégaldo, H. (1998). *Les Russes à Paris 1919—1939*. Paris: Ed. Autrement. (In French).
- Noel, B. (1989, 1991). Vieux quartiers, vieilles gens. In: *Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région*. (In French).
- Pietri, M. (2004). La communauté russe des Alpes-Maritimes durant l'entre-deux-guerres. In: *Mémoire de maîtrise d'histoire contemporaine, Université de Nice*. (In French).
- Pivovarov, E. I. Selunskaya, N. B. (2001). Novyye teoreticheskiye podkhody i neobkhodimost' novoy interpretatsii aktualnykh aspektov sotsialnoy i ekonomicheskoy istorii Rossii XX veka. In: *Issledovaniya istoricheskogo fakulteta Moskovskogo universiteta*. Moskva: MGU. 61—62. (In Russ.).
- Pivovarov, E. I. (2011). *L'étranger russe comme un phénomène social et culturel: son rôle et sa place dans l'héritage historique et culturel*. Moscou. (In French).
- Rudkovskaya, M. (2014). L'émigration militaire russe en France: problèmes de l'intégration sociale et de l'insertion professionnelle (exemple de la communauté toulonnaise des années 1920—1930). In: *L'Europe et la Russie: problèmes actuels du dialogue. —Édition du Centre de la culture et de la connaissance, Paydeya*. 1: 18—22. (In French).
- Rudkovskaya, M. M. (2018). Russko-tulonskoye voyenno-morskoye sotrudnichestvo vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3: 125—134. (In Russ.).
- Vitse, G. (1973). Emigrés toulonnais: les héros malgré eux. In: *Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région*. 95: 92—122. (In French).